

Из всех пичужек самые образованные — это воробьи. И знаете ли, почему? Потому что они живут не в лесах или полях, а в селах и городах, где могут многому от людей научиться. У них даже имена на человеческий лад. Когда-то, в дни моей молодости, я, например, знал воробья, которого звали — как бы вы думали? — Александр Македонский! У другого моего знакомого воробья было имя, как у известного сказочного богатыря, Алеша Попович. Честное слово, правда! Этот Алеша Попович был не то чтобы какой-нибудь воробьиный силач или богатырь. Нет, он просто происходил из семьи, которая жила когда-то в старой церкви под куполом. Поэтому воробьи и прозвали всю его семейку Поповичами. Был тут и Андрюша Попович, и Кирюша Попович, и Антоша Попович, и вот даже Алеша Попович один оказался.

А того воробья, про которого я хочу рассказать, тоже звали очень красиво — Золотой Петушок. Неизвестно, откуда у него взялось такое красивое имя, но известно, что воробей он был очень умный. Однажды он заболел не на шутку и долго хворал, представьте себе, но все-таки вылез, и притом сам, без всякой посторонней помощи, то есть без помощи докторов. И откуда только ума набрался! Ну конечно же, от людей.

В те далекие времена, а было это лет двадцать назад, Золотой Петушок жил на чердаке старого четырехэтажного дома. Под крышей ему было и тепло, и уютно, и весело, то есть интересно, потому что на чердаке в долгие зимние вечера, когда бывает особенно скучно, он мог сколько угодно слушать, о чем говорят жильцы верхнего этажа. Конечно, слушать он мог, когда говорили достаточно громко. Когда говорили обыкновенным голосом, то было слышно только какое-то неясное бормотание: „Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!“ Впрочем, если хорошенько прислушаться, то и в этом случае можно было кое-что разобрать.

Особенно хорошо на чердаке было слышно радио, а нужно сказать, что в те далекие времена радио уже всюду существовало. Вот телевидения, правда, не было. Но воробью телевидение и ни к чему, потому что не мог же он смотреть телевизор, сидя на чердаке. Для этого надо было находиться в комнате. Хорошо на чердаке было слышно также, когда в доме кто-нибудь заводил патефон или играл на пианино. Но вот этого наш Золотой Петушок как раз не любил.

Дело в том, что на самом верхнем этаже дома жила маленькая девочка. Ее звали Наденька. Мама и папа очень любили Наденьку и купили для нее пианино. Им очень хотелось, чтоб их девочка сделалась знаменитой музыкантшей. Но Наденьке не очень хотелось делаться музыкантшей. Ей больше всего хотелось поступить на одежную фабрику, не сейчас, конечно, а впоследствии, когда подрастет. А сейчас, пока она еще была маленькая, ей больше всего нравилось шить для своих кукол платья.

У нее было несколько кукол, и каждой кукле она сшила по платью, а своему любимому плюшевому мишке сшила три пары брюк, три пиджака: черный, синий и клетчатый, две

сорочки с отложными воротничками, пальто зимнее и демисезонное, трусики, чтоб можно было загорать летом, две смены белья, летнюю шляпу из полотна, а на зиму теплую меховую шапку-ушанку, чтоб не замерзли уши.

Все это было сделано с таким мастерством, что многие гости, которые бывали у них в доме, приходили в восторг и говорили, что из Наденьки выйдет какая-нибудь знаменитая мастерица по пошивке одежды. Однако Наденькины мама и папа были против того, чтоб их дочь сделалась мастерицей по пошивке одежды. Они утверждали, что одежду может шить каждый, а на пианино сыграет не каждый, так как тут нужен талант. Мама говорила, что в детстве у нее самой был замечательный талант к музыке, но у ее родителей не было денег на покупку пианино. Зато теперь, когда денег у них вполне достаточно, они обязательно добьются, чтоб их дочь сделалась музыкантшей.

Напрасно их уверяли знакомые, что у каждого ребенка талант к чему-нибудь своему и что к пошивке одежды тоже надо иметь талант: если же одежду начнет шить каждый, то она выйдет такая, что совестно будет на улицу показаться. Ни папа, ни мама этому почему-то не верили и не хотели даже слышать, чтоб их дочь пошла работать на одежную фабрику.

Однако у Наденьки на самом деле не было способностей к музыке, а учиться тому, у кого нет способностей, гораздо труднее, чем тому, у кого эти способности есть. Вернувшись из музыкальной школы, Наденька минуты две или три брэнчала на пианино заданное на дом упражнение, но скоро ей это надоедало, и она садилась шить какой-нибудь своей кукле новое платье или убегала гулять во двор. Иногда она и вовсе не подходила к своему музыкальному инструменту, а когда мама возвращалась домой с работы и спрашивала, занималась ли она музыкой, Наденька отвечала, что уже позанималась, и садилась делать уроки по арифметике, русскому языку или каким-нибудь другим предметам.

Так все шло хорошо сначала, но потом маму вызвала к себе учительница музыкальной школы и сказала:

— Ваша девочка очень плохо учится музыке, потому что мало занимается дома. Каждое заданное на дом упражнение надо играть ежедневно по два часа. Без этого пальцы у вашей девочки не разовьются, и ее придется забрать из музыкальной школы. Имейте это в виду.

— У меня нет возможности ежедневно проверять Наденьку, — ответила мать. — Она занимается музыкой днем, когда я ухожу на работу, а вечером, когда я возвращаюсь, она учит уроки.

— А вы сделайте наоборот, — посоветовала учительница. — Пусть Наденька готовит уроки днем, а на пианино занимается вечером, чтоб вы слышали.

Мама послушалась учительницу и попробовала заставлять Наденьку играть на пианино вечером, но такая система, однако, не понравилась папе, и он сказал:

— Что это за новая мода пошла: каждый раз вечером музыка! Почему Наденька не может играть свои упражнения днем, когда все работать уходят? Тут вертись на работе весь день, вечером отдохнуть хочется, а вместо этого изволь упражнения слушать!

— Это, конечно, верно, — согласилась мама, — но как ее днем проверишь? На нее и так учительница жалуется.

— Что ж, об этом необходимо подумать, — ответил отец.

А нужно сказать, что у них, кроме Наденьки, был еще мальчик. Он был маленький и еще не учился в школе. Ему было всего шесть лет.

И вот папа сказал:

— Слушай, Алеша...

(Его тоже Алешей звали, как того воробья, про которого у нас был разговор. То есть, воробья звали Алеша Попович, а мальчика — просто Алеша).

— Слушай, Алеша, — сказал, значит, папа. — Ты мальчик уже большой и тоже должен помогать взрослым. Будешь следить, чтоб Наденька исправно занималась на пианино.

И он научил Алешу, как следить за стрелками часов, чтоб получалось ровно два часа. Каждый раз, приходя вечером с работы, папа спрашивал:

— Ну-ка, скажи, Алешенька, сколько сегодня занималась на пианино, Наденька?

— Два часа, — отвечал Алеша.

— Молодец! — хвалил его папа.

И давал ему большую конфету. Наденьке он тоже давал конфету за то, что она усидчиво занималась музыкой. Папа, конечно, ничего не терял, так как он раньше покупал своим детям конфеты, но раньше он отдавал им конфеты даром, а теперь за дело.

Так у них и пошло с тех пор. Наденька даже побледнела немного от усиленных занятий музыкой. Ей ведь некогда даже было побегать во дворе с подругами: утром в школу иди, днем на пианино играй, вечером делай уроки, да еще надо было немножко помогать по хозяйству маме. Где уж тут бегать!

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Наденька не начала усиленно думать, как найти из этого положения хоть какой-нибудь выход. Подумав как следует, она придумала такую вещь: получив от папы вечером конфету, она не съела ее, а спрятала под подушку. На следующий день, вернувшись из школы, она сказала своему братцу:

— Хочешь, Лешка, я не буду сегодня на пианино играть, а мы пойдем во дворе погуляем. За это я тебе дам конфету.

— Не хочу, — ответил Алеша.

— Почему, глупый?

— Потому что, если ты не будешь играть на пианино, мне папа вечером не даст конфету.

— Вот и видно, что глупый! Как же папа может не дать конфету, если ты скажешь, что я играла?

Алеша подумал и согласился. Наденька отдала ему конфету, он съел, а потом они пошли во двор и гуляли до вечера. А когда вечером пришел папа и спросил, занималась ли Надя сегодня музыкой, Алеша по обыкновению сказал:

— Два часа.

Папа дал им, как всегда, по конфете Алеша свою съел тут же, а Наденька и на этот раз спрятала.

На следующий день повторилась та же история. Алеша быстро сообразил, что гораздо интереснее съесть не одну, а две конфеты и в добавление к этому гулять с сестрой во дворе, вместо того чтоб сидеть дома и слушать скучную музыку.

Так прошел месяц, а может быть, даже больше. У Наденьки снова заиграл на щеках румянец, улучшился аппетит. И все было бы хорошо, если бы ей не становилось все труднее и труднее отказываться от конфет. Бедная девочка за это время забыла, какие бывают на вкус конфеты. Один раз она даже не удержалась и отгрызла от конфеты кусочек. А на другой день Алешка устроил ей за это скандал и сказал, что он за полконфеты не согласен обманывать папу, а согласен только за целую. Насилу Наденька уговорила его молчать и обещала, что никогда больше не станет откусывать от его конфеты ни кусочка.

После этого случая Наденька крепилась несколько дней подряд, но однажды ночью, когда все уже спали, она достала из-под подушки припрятанную для Алешки конфету и съела ее. Бедная девочка действовала как будто во сне и даже не понимала, что делала, до такой степени ей захотелось сладкого. На другой день она не знала, как быть, и когда братишка потребовал у нее конфету, сказала, что потеряла ее.

Алеша, который никак не ожидал такого ответа, даже не понял сразу, какая страшная произошла вещь, а когда наконец понял, то разинул от удивления рот, да так и остался с разинутым ртом. Постепенно он, однако, пришел в себя и спросил:

— Где же ты ее потеряла?

— Глупый, — сказала Наденька, — если бы я знала, где потеряла, то сейчас же нашла бы.

— Так ее искать надо! — заявил Алеша.

Он никак не мог примириться с мыслью, что останется на этот раз без конфеты, и они вместе принялись бродить по комнатам, заглядывая во все уголки. Наденька понимала, что никакой конфеты найти, конечно, не может, но искала для вида, чтобы братишка не заподозрил ее в обмане. Алеша, наоборот, отнесся к делу вполне серьезно. Он старательно ползал на четвереньках по полу, шарил палкой под шкафами и под буфетом, залезал под столы и кровати, наконец, стал обыскивать Наденькину постель и нашел у нее под подушкой бумажку от конфеты. Некоторое время он молча стоял с бумажкой в руке и как будто что-то соображал, потом подскочил к сестре и закричал визгливым голосом:

— Это что, а? Это что?

— Как что? Будто не видишь? Бумажка.

— Сам вижу, что бумажка. А от чего бумажка? От конфеты! Значит, ты конфетину сама съела, а бумажка осталась мне!

— Глупый! — ответила Наденька. — Эта бумажка совсем не от той конфеты.

— От какой еще не от той? Думаешь, я не знаю! Я вчера не спал вечером и слышал, как ты там во сне что-то жевала. Я тогда еще подумал, что это ты уж, наверно, мою конфету ешь.

— Какую такую твою конфету? — рассердилась Наденька. — Конфета моя! Хочу — даю тебе,

не хочу — ем сама.

— Ну и ешь сама, а я больше не буду обманывать папу. Вот скажу сегодня, что ты не играла на пианино.

— А я вот нарочно буду играть, попробуй тогда скажи, что я не играла.

Наденька села за пианино и целых два часа подряд играла свои упражнения. Под конец у нее даже голова закружилась от непривычки. Однако она и виду не подавала, что ей было трудно, и, встав из-за пианино, сказала:

— Теперь каждый день буду играть и конфеты сама буду есть.

Алеша увидел, что здорово прогадал, и у него даже затряслись губы от огорчения.

— Зачем же играть каждый день? — сказал он. — Завтра можно и не играть, а за сегодня я, так и быть, прощаю тебя.

— Что, что? — с удивлением спросила Наденька. — За что ты меня прощаешь?

— Ну за то, что ты съела конфету.

— Ты, видимо, дурачок, Алешка, — с обидной усмешкой сказала Наденька. — Свою конфету я всегда имею право съесть без твоего разрешения. Глупая я раньше была, что отдавала тебе такие вкусненькие конфетки. Теперь вот и завтра съем, и послезавтра, и послепослезавтра, и всегда-всегда!

— Ну и ешь, — мрачно ответил Алеша. — Мне не очень и хочется!

— Не очень хочется! — передразнила Наденька. — А сам тут как царь Кашей над каждой конфетой трясешься!

— Кто царь Кашей? Я царь Кашей? — закричал, рассердившись, Алешка.

И как стукнет сестру кулаком.

— А, так ты еще драться! — сказала Наденька и, схватив Лешку за волосы, дернула с такой силой, что у него из глаз посыпались искры.

— А-а! — завопил Алешка и принялся размахивать во все стороны кулаками и лягаться ногами.

Но Наденька крепко держала его за волосы, и он ничего не мог ей сделать.

Как раз в это время с работы вернулся папа. Наденька услышала, что кто-то вошел в прихожую, и выпустила из рук Алешкины волосы.

— Вот скажу папе, что ты съела конфету! — прошипел Алешка, грозя сестре кулаком.

— Будто папа дал мне конфету не для того, чтобы я ее съела, — сказала Наденька. — У, глупый!

— Вот скажу, что все время называешь меня глупым.

— Как же тебя называть, если ты и есть глупый?

— Вот скажу папе, что ты не занималась сегодня на пианино.

— Не смей, слышишь! Я ведь занималась! Ах, ты!..

Наденька не успела договорить, потому что в комнату вошел папа.

— Ну, механики, как дела? — весело спросил он.

Когда у папы бывает хорошее настроение, он почему-то всегда своих детей механиками называет.

Увидев, что дети почему-то молчат и сердито смотрят на него исподлобья, папа удивился и спросил:

— Что тут у вас случилось?

— Ничего, — ответила Наденька.

— Совсем-совсем ничего?

— Совсем-совсем ничего.

— Что-то не верится! — покачал головой папа. — А ты почему сегодня такой лохматый? — спросил он Алешу.

Алеша принялся приглаживать рукой всклокоченные волосы и сердито нахмурился. Вся кожа у него на голове свербела.

Папа схватил обоих ребят в охапку и сел с ними на диван.

— Ну, рассказывайте, что хорошенького?

— Ничего, — сердито буркнул Алеша, усаживаясь у отца на коленях.

— Как же так, ничего? А Наденька занималась сегодня на пианино? Сколько она играла?

— Нисколько, — буркнул опять Алешка.

— Эге! Вот оно, значит, что! — протянул папа и сердито взглянул на Наденьку.

От возмущения Наденька вспыхнула, потом побледнела тут же, раскрыла широко рот, словно ей не хватало воздуха, и сказала дрожащим голосом:

— Он говорит неправду!

— Это правда? — строго спросил Алешу папа.

— Что правда? — не понял Алеша.

— Правда, что ты говоришь неправду?

— Это она говорит неправду.

— Он врет! — сказала, задыхаясь от гнева, Наденька.

— Вот как! — недоверчиво усмехнулся папа. — Для чего же ему вдруг понадобилось врать? Когда ты занималась исправно, он всегда говорил, что ты занималась. Вот тебе, Алеша,

конфетка за то, что сказал папе правду. А ты, нехорошая девочка, ничего не получишь! Лучше я и твою конфету отдам Алеше. Получай, Алешенька, и вторую конфетку.

Увидев такую несправедливость, Наденька побледнела еще больше, стала белая, как бумага, потом покраснела внезапно, бросилась плашмя на диван и зарыдала так громко, что у папы от ужаса зашевелились на голове волосы.

В это время дверь отворилась — и в комнату вошла мама. Папа принялся рассказывать ей обо всем. Мама даже не могла сразу понять, что случилось, а когда поняла, сказала:

— Может быть, Алешка на самом деле соврал? Уж очень горько рыдает Наденька.

— Признаться, я тоже так думал, — ответил папа, — да ведь Алеша никогда раньше не врал. Он всегда говорил правду.

— Не врал? — закричала, вскакивая с дивана, Наденька. — Никогда раньше не врал! Если хотите знать, он всегда врал! Он только и делал что врал! Я нарочно каждый раз отдавала ему свои конфеты, и он говорил вам, что я занималась на пианино, а я и не занималась вовсе. Ха! Ха! Но сегодня я как раз занималась и конфеты ему не дала, вот он и врет на меня от злости. Это, что ли, по-вашему правильно? Раз я занималась, то никакой конфеты ему не полагается. Пусть он зарубит это у себя на носу!

— А! — закричал тогда папа. — Значит, ты, нехорошая девочка, не занималась на пианино да еще учила своего младшего братца обманывать родителей, подкупала его конфетами? Это стыд! Это срам! Это позор! Ты бы подумала, чему учишь его! При таком воспитании из него может вырасти какой-нибудь тунеядец и плут!

А мама сказала папе:

— Ты сам во всем виноват. Нашел кому поручать присматривать за девочкой. Он тебе за конфету что хочешь сделает: обманет и мать и отца. Из-за него бедная девочка совсем без конфет осталась, а сладкое тоже для организма нужно.

Наденька услышала эти слова, и ей стало так жалко себя, так жалко, что она зарыдала с удвоенной силой. Но мама сказала:

— А ты молчи! Я не защищаю тебя. Ты, наверно, воображаешь, что тебя напрасно обидели: не дали сегодня конфетку. А сколько раз ты не играла на пианино, но конфеты все-таки получала?

Наденька сразу притихла, а Леша увидел, какое получается дело, и давай поскорей есть конфеты, чтоб не отняли обратно. Не успев съесть одну конфету, он запихал в рот другую и стоял с оттопыренной щекой, как будто у него вырос с этой стороны флюс.

— Поручать это дело Алешке мы больше не станем. Теперь я сама буду за тобой следить, — сказала Наденьке мама. — Но поскольку вечером играть нельзя, а днем я на работе, придется тебе вставать на два часа раньше и заниматься с утра.

Необходимо сказать, что весь этот разговор происходил очень громко и прекрасно был слышен Золотому Петушку, то есть нашему знакомому воробью, который на чердаке жил (вот когда мы про него вспомнили). Услыхав это, Золотой Петушок даже не удивился, потому что за всю свою жизнь наслушался всяких историй. Он только подумал:

„Вот еще какие, оказывается, бывают истории!“

Вскоре он и вовсе перестал думать об этом, так как не понимал в тот момент, чем это все может для него кончиться.

И вот на другой день, под самое утро, когда спится особенно сладко, воробья разбудили какие-то непонятные звуки:

Бом-тили-тили! Бом-тили-тили!

Тиль-диль-дон! Тили-диль-дон!

Воробей встрепнулся от неожиданности, открыл широко глаза, но ничего не видя вокруг, так как было еще совсем темно, решил, что это ему во сне почудилось. Закрыв глаза, он попытался заснуть, но звуки не утихали:

Тиль-диль-дон! Бом-тили-бом!

Как будто палкой по голове!

Воробей сердито поежился, заморгал глазами и принялся соображать, что бы все это могло значить. Сон окончательно слетел с него, и воробей наконец понял, что играют на пианино. Увидев в окно, что небо совсем еще темное и на нем кое-где поблескивают звездочки, Золотой Петушок проворчал:

— Что это они там совсем с ума посходили — играть среди ночи!

Он нахохлился, сооротив обиженную физиономию, переступил с лапы на лапу и стал пытаться заснуть, не обращая внимания на музыку. Это ему, однако ж, никак не удавалось. Звуки пианино доносились так явственно, что бедному воробью казалось, будто играют не снизу, а сверху, прямо над его головой. Постепенно ему даже стало казаться, что звуки раздаются не над головой, а где-то там, внутри головы. Золотой Петушок крикнул с досады и тряхнул как следует головой. Однако звуки из головы не выскочили и продолжали долбить по мозгам:

Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!

Вот тебе! Вот!

Через некоторое время небо стало светлеть, звезды постепенно погасли, и воробей увидел, что уже было утро, а вовсе не ночь, как ему показалось сначала. Прошло два часа, и музыка наконец прекратилась. Золотой Петушок облегченно вздохнул, но, увидев, что на дворе окончательно рассвело, решил, что спать все равно больше нельзя, так как уже была пора вылетать за кормом.

На другой день воробья опять разбудила музыка, на третий — тоже. На четвертый день он уже с вечера думал о том, что его на рассвете разбудит музыка, и так нервничал, что не мог заснуть. Всю ночь он сидел у себя в застрехе и сонно моргал глазами, ожидая, что вот-вот грянет музыка, а когда наконец заснул, музыка загремела, и ему даже под утро не удалось вздремнуть.

Несколько ночей подряд Золотой Петушок почти вовсе не спал. То есть, не то чтобы он вовсе не спал. Воробей ведь не может так, чтоб совсем не спать. Конечно, он спал, но спал, нужно сказать, очень тревожно, поминутно просыпаясь и вздрагивая во сне; под утро же его на два часа раньше, чем нужно было, будила музыка. Таким образом, вместо того чтобы спать восемь часов подряд, наш воробей спал всего шесть часов. Воробью же, как установила наука, положено спать ночью не меньше восьми часов. Иначе это может для него плохо кончиться.

Неизвестно, чем бы все это для Золотого Петушка кончилось, если бы Наденька вдруг не заболела. Потом она, правда, выздоровела, но потом заболела снова. Она вообще была не очень крепкого здоровья. Когда Наденька болела, воробей радовался и наслаждался жизнью, но когда она выздоравливала, он проклинал свое существование и становился злой, как сорок тысяч чертей. От злости он вообще стал очень нервный и раздражительный.

А впрочем, если сказать по правде, то нашему Золотому Петушку приходилось еще не так скверно, как одному жильцу Прохору Семеновичу Индюченко, который жил в соседней квартире. Его комната находилась рядом с той комнатой, где стояло Наденькино пианино, и поэтому ему всегда было хорошо слышно, когда Наденька играла свои упражнения. Этот Прохор Семенович Индюченко был старенький, седенький старичок с жиденькой козлиной бородкой, причем очень худой и больной ревматизмом.

Как известно, ревматизм — болезнь очень коварная. Она то отпустит больного, даст ему подышать чуточку, то вдруг схватит точно клещами и давай ломать кости. В такие дни бедный Прохор Семенович готов был кричать от боли. И он кричал бы, если бы не опасался потревожить соседей, но так как он был человек очень деликатный, внимательный к другим людям, то терпел свою боль молча, только слегка покряхтывал и старался лежать, не двигаясь, чтоб не раздражать ноющие суставы.

Чаще всего ревматизм донимал Прохора Семеновича с вечера и мучил всю ночь, не давая заснуть ни на минуту. Но как только приближалось утро, боль в костях утихала.

Прохор Семенович с облегчением вздыхал, готовясь наконец поспать хоть с полчаса, но тут Наденька начинала играть свои упражнения, и уснуть снова было нельзя. Увидев, что о сне уже нечего и думать, бедный больной Прохор Семенович надевал на ноги свои шлепанцы и отправлялся на кухню, чтоб согреть для себя кофе. Прохор Семенович был старенький холостяк, то есть он никогда не был женат, а старые холостяки, как известно, почему-то всегда любят кофе.

Квартира, в которой жил Прохор Семенович, была большая, и поэтому, когда он являлся на кухню, там уже был кто-нибудь из хозяек. Увидев Прохора Семеновича, они обычно затевали

с ним разговор.

— А, Прохор Семенович! С добрым утречком! — начинала соседка, которую звали Софья Михайловна. — Что-то вы сегодня раненько поднялись?

— Должно быть, бессонница, — подхватывала другая соседка, по имени Людмила Дмитриевна.

— Бессонница, Людмила Дмитриевна, бессонница, — с грустным вздохом соглашался Прохор Семенович. — Всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз, представьте себе. Все из-за ревматизма, будь он неладен!

— Ну, конечно, конечно, от ревматизма, — сочувственно кивала головой Софья Михайловна. — Да, может, вы просто выспались за день. Вчера вас к телефону просили, так я насилу к вам достучалась в дверь.

— Это точно, вчера я задремал днем, да все потому, что опять-таки ночью не спал. Сначала ревматизм, а потом опять эта музыка — будь она неладна! — совсем не дала заснуть. Надо будет управдому сказать.

— Что же вы ему скажете? — махнула рукой Софья Михайловна. — Если бы девочка шалила, нарочно шум поднимала, то, конечно, другой разговор, но она ведь учится. Разве может управдом запретить учиться?

— Запрещать и не нужно, но зачем же играть спозаранку, когда спят люди! — проворчал Прохор Семенович. — Да ладно уж! Все равно, видать, ничего не поделаешь!

— Почему ничего не поделаешь? Можете обменять жилплощадь, — сказала Софья Михайловна.

— Как же так обменять? Это просто сказать, Софья Михайловна. Я уж тут и к соседям привык.

— И к новым привыкнете.

— Так-то так, — покачал головой Прохор Семенович и ничего не сказал больше.

Сначала он и думать не хотел об обмене жилплощади, но все-таки иногда вспоминал о том, что ему сказали соседки. И вот в один прекрасный день Прохор Семенович исчез из своей комнаты, а вместо него появился новый жилец Геннадий Варсонофьевич по фамилии Моржов, с которым Прохор Семенович обменялся жилплощадью.

Этот Геннадий Варсонофьевич Моржов был такой же одинокий человек, как и Прохор Семенович, только гораздо выше ростом и гораздо толще его. Он был крепенький, краснощекенький и очень здоровый на вид. У него были светлые рыжеватые усики и толстый, тугой, увесистый нос с красноватым отливом. Его небольшие, неопределенного цвета глазки глядели на всех добродушно и даже приветливо. Голос у него был бас, и говорил он так громко, что издали казалось, будто трубит самая большая труба в самом большом оркестре. Смеялся он тоже громко, отрывисто: „Хах-ха!“ — так что все от неожиданности вздрагивали, а чихал он и кашлял с такой страшной силой, что в доме перегорали электрические пробки, во всех комнатах гасли лампочки, а в окнах звенели стекла, и притом он курил крепкие папироски.

В отличие от Прохора Семеновича Геннадий Варсонофьевич любил слушать радио и, как только расставил в своей комнате мебель, сейчас же включил радиорепродуктор и пошел на кухню знакомиться с соседями.

— Я такой человек, — говорил он им, — я терпеть не могу тишины и больше всего на свете люблю слушать радио. Как только я приезжаю куда-нибудь, например на курорт или в дом отдыха, я сейчас же отыскиваю, где включается радио и включаю его так, чтоб всем было слышно. Если кто-нибудь выключит, я тут же включаю снова. Его опять выключат, а я обратно включу. В конце концов всем надоест выключать, и радио работает без передышки весь день, с утра и до вечера. А мне только это и надо. Да и остальным хорошо: не так скучно, не правда ли? Хах-ха!

И он засмеялся так громко, что все вздрогнули, а одна хозяйка даже выронила из рук кастрюлю, которую собиралась поставить в этот момент на плиту.

На другой день Геннадий Варсонофьевич Моржов проснулся ни свет ни заря и тут же включил радиорепродуктор на полную мощность. Сила звука была так велика, что музыка проникла не только в соседние комнаты, но и в прихожую, и в коридор, и в ванную, и на кухню. Поэтому, пока Моржов курил свои папироски в прихожей, умывался и чистил зубы в ванной, жарил себе на кухне яичницу, он все время слушал радио и был очень доволен.

Однако остальным жильцам это не очень понравилось, потому что некоторым хотелось еще поспать, а какой уж тут может быть сон, если такие звуки! Один жилец Виталий Сергеевич Холодецкий, который работал на заводе инженером-конструктором, даже высунулся в коридор и, увидев Моржова, сказал:

— Что это вы, соседка, затеяли слушать радио спозаранку? Люди ведь спят еще.

— Ничего, — хладнокровно ответил Моржов, — будем вставать уже.

— Да я, может быть, не хочу так рано вставать. Вы бы хоть дверь в свою комнату закрыли!

— А мне, может быть, удобнее, когда дверь открыта.

— А мне, может быть, было бы удобнее взять вашу сковородку да поставить вам на голову, — рассердился Холодецкий.

— А вот это было бы мне уже не удобно, — сухо сказал Геннадий Варсонофьевич и скрылся у себя в комнате вместе со сковородкой, на которой шипела яичница.

Виталий Сергеевич постоял в коридоре, но, убедившись, что Геннадий Варсонофьевич не думает выключать радио, пожал плечами и лег обратно в постель. Конечно, в тот день ему уже больше не удалось поспать.

Вскоре соседи заметили, что этот осел, то есть, не этот осел, прошу прощения, а этот человек, вел себя очень странно. Он никогда ничего не читал: ни газет, ни журналов, ни книг, не ходил ни в кино, ни в театр, ни в музеи, ни в картинные галереи, а только и делал, что слушал радио. Причем по радио он слушал всё: и последние известия, и урок гимнастики, хотя сам гимнастикой не занимался, и детскую передачу, и передачу для женщин. Как оказалось впоследствии, Геннадий Варсонофьевич даже на ночь не выключал репродуктор, и как только утром радиостанция начинала работать, по всему дому неслись громкие звуки, которые поднимали жильцов с постелей.

— Вы бы хоть на минутку давали отдохнуть своему репродуктору, — говорила Геннадию Варсонофьевичу Людмила Дмитриевна.

— А пусть себе, — добродушно отвечал Геннадий Варсонофьевич. — Кому он мешает? Пусть поговорит, а мы слушаем.

— Так нельзя ли хоть чуточку тише? — спросили жильцы.

— Отчего же нельзя! Тише можно, — соглашался Геннадий Варсонофьевич.

Он и на самом деле поворачивал регулятор громкости, чтоб было потише, но через минуту громкоговоритель снова работал на полную мощность. Жильцы были в отчаянии и только разводили руками, не зная, что предпринять, а Виталий Сергеевич выходил из себя и говорил:

— Честное слово, мне немоготу больше! Я взялся рассчитать дома для завода одну конструкцию и никак не могу сосредоточиться из-за этого репродуктора. Вот увидите, я пойду к управдому жаловаться.

Однажды, когда его терпение окончательно лопнуло, он действительно помчался в домоуправление. Там как раз в это время уже был один из жильцов. Он хотел приобрести в магазине в рассрочку мебель и пришел к секретарше за справкой.

Увидев управдома, который сидел за столом у окна и щелкал костяшками счетов, Виталий Сергеевич спросил:

— Товарищ управдом, скажите, пожалуйста, можно шуметь у себя в комнате на всю квартиру и мешать людям спать с шести часов утра?

— Зачем же это вам вдруг понадобилось шуметь на всю квартиру, да еще с шести утра? — удивился управдом.

— Вы лучше подождите немного, — пошутил жилец, который пришел за справкой. — Вот построят при коммунизме для всех дома со стенами пятиметровой толщины, тогда и шумите себе на здоровье.

— Научиться внимательно относиться друг к другу гораздо легче, чем делать пятиметровые стены, — откликнулась секретарша. — Я думаю, что при коммунизме все будут сознательными, никто не станет шуметь, и ваши пятиметровые стены никому не понадобятся. А вы, гражданин, постеснялись бы шуметь, — обратилась она к Виталию Сергеевичу.

— Да разве же это я шумлю? — удивился Виталий Сергеевич.

— Кто же у вас шумит в таком случае? — спросил управдом.

— Шумит наш новый жилец Геннадий Варсонофьевич, Моржов по фамилии.

— Как же он там шумит, этот ваш Моржов?

— Радио включает в неположенные часы. Прямо никакого спасения нет!

— А вы говорили ему, что так делать нельзя?

— Говорили, да он ничего слушать не хочет. Говорит: мне так удобнее!

— Удобнее! — с горькой усмешкой сказал управдом. — Сегодня ему удобнее шуметь на всю квартиру, не считаясь с людьми, а завтра станет удобнее взять чужую вещь или обокрасть ювелирный магазин. С этого „удобнее“ все зло и начинается. Вы не смейтесь, — сказал он, заметив на лице секретарши улыбку.

— Я не смеюсь, — ответила секретарша. — Я как раз уверена, что все нехорошее начинается с неуважения к людям, от невнимания к ним, от недостатка чуткости.

— Ну хорошо, — сказал управдом, обращаясь к Виталию Сергеевичу. — Я зайду к этому вашему Моржову, поговорю с ним.

В тот же вечер он на самом деле зашел к Моржову. Поздоровавшись с хозяином и покосившись на стоявший в углу комнаты на небольшом столике репродуктор, из которого вырывались бодрые звуки марша, управдом стащил с головы шапку и приветливо сказал:

— Ну как устроились, Геннадий Варсонофьевич? Поздравляю вас с новосельем.

— Спасибо, устроился хорошо, — пробасил Моржов, улыбаясь во весь рот и разглаживая рукой усы, отчего его глаза приняли какое-то хитроватое выражение.

— Что ж, я вижу, что хорошо, — ответил управдом, оглядываясь по сторонам.

— Что вы сказали? — спросил, не расслышав, Моржов.

— Вижу, что хорошо! — закричал управдом, стараясь заглушить радио.

— А, — понимающе протянул Моржов и прокричал в ответ: — Садитесь, будьте как дома.

Управдом присел на диван, положил на колени портфель и шапку и, снова покосившись на репродуктор, спросил:

— Что это, Геннадий Варсонофьевич, радио у вас всегда так громко играет?

— Что? — опять не расслышал Моржов.

— Радио, говорю, всегда так громко играет? — закричал управдом изо всех сил.

— Всегда, — закричал Моржов, — то есть нет, нет, не всегда, — замахал он руками. — Иногда только.

— Так нельзя ли хоть выключить на минутку?

— Что? — Моржов приложил к уху руку, чтоб лучше слышать.

— Вы-клю-чить на ми-нут-ку! — закричал управдом прямо ему в ухо.

— Ах, выключить! — улыбнулся Геннадий Варсонофьевич. — Зачем же его выключать? — Можно сделать потише.

Он отрегулировал громкоговоритель, и музыка стала тише.

— Ну вот, — облегченно вздохнул управдом, — а то ведь даже себя не слышишь!

— Как вы сказали? Себя не слышишь? Хах-ха-а!

Моржов захохотал так громко, что в соседней комнате заплакал от испуга ребенок, а управдом от неожиданности вздрогнул и даже забыл на минуту, зачем пришел. Постепенно он, однако, опомнился и сказал:

— Мне тут, голубчик, соседи жаловались, что вы включаете радио в неположенные часы.

— А разве нельзя?

— Почему же нельзя, голубчик? Можно! Но зачем же так громко?

— Так я же не громко.

— Где же не громко! Вот я к вам из домоуправления шел, так, поверите ли, на улице слышно.

— Что вы говорите? — удивился Моржов. — На улице слышно? А-хах-ха!

Он схватился руками за живот и захохотал так, что управдом от испуга оторопел и уронил на пол портфель и шапку.

— Ну, не буду, дорогой, больше не буду, — сказал Геннадий Варсонофьевич, бросаясь поднимать с пола портфель и шапку. — Буду теперь играть потихонечку.

Он сунул в руки ошалевшему управдому портфель, нахлобучил ему на голову шапку и выпроводил его из комнаты.

— Теперь все хорошо будет, — сказал он, открывая перед управдомом входную дверь и слегка подталкивая его в спину. — Так вы говорите, на улице слышно? А-хах-ха-ха-а!

Моржов заржал с такой силой, что у бедного управдома потемнело в глазах, и он стал спускаться по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке и хватаясь руками за стены.

Как только управдом ушел, Моржов снова повернул регулятор громкости, и музыка опять загремела в полную силу.

На другой день Виталий Сергеевич опять было побежал жаловаться управдому, но тот сказал:

— Делайте, что хотите, но я больше не пойду разговаривать с этим вашим Моржом. Уж очень нехорошо он смеется. У меня до сих пор мурашки по спине ходят, как только я вспомню этот его дьявольский смех. Видать, этого Моржова не учили в детстве родители, что нужно уважительно относиться к людям, а теперь его перевоспитать трудно.

Вот когда пожалели соседки, что посоветовали бывшему жильцу Прохору Семеновичу обменять свою комнату. Если бы у них остался жить этот безобидный больной старичок, они бы и горя не знали. Убедившись, что теперь уже все равно ничего поделать нельзя, они кончили тем, что поссорились с Геннадием Варсонофьевичем и перестали с ним разговаривать.

Однако на этом деле пострадали не только соседи, но и наш воробей, который на чердаке жил. Услышав впервые звуки громкоговорителя, Золотой Петушок даже не огорчился.

— Ну и что ж тут такого? — сказал рассудительно он. — Все равно Наденька начинает играть спозаранку, а немного больше музыки или меньше, какая разница!

Он не учел в первый момент, что Наденька иногда болела и нет-нет да и давала отдых его бедным, многострадальным ушам. Геннадий же Варсонофьевич Моржов был, как уже сказано, мужчина богатырского телосложения и никогда ничем не болел, разве что кашлем. Как только Золотой Петушок убедился, что перерывов в утренней работе радиорепродуктора не предвидится, он принялся страшно возмущаться и хотел даже заявление в домоуправление написать, да так и не собрался, потому что вскорости заболел.

Да, да, заболел! И болезнь к нему привязалась какая-то странная, такая, что даже не поймешь, что за болезнь: не то кашлять хочется, не то чихать, грудь как-то теснит и ничего делать не хочется: не хочется спать, не хочется есть, ни о чем думать не хочется, летать тоже не хочется, потому что крылышками махать лень. Со временем он даже отвык разыскивать для себя еду, а только смотрел, куда остальные воробьи летят, туда и он. Так только и не погиб с голоду.

Весной, когда засияло на небе солнышко, Золотой Петушок было вострепнулся и приободрился. Какое-то радостное чувство, которого он давно уже не испытывал, заиграло в его груди, и он подумал, что жить все-таки хорошо несмотря ни на что. Он вспомнил, что пора уже строить гнездышко, чтобы вывести маленьких птенчиков, как обычно делали все воробьи весной. Вся болезнь как бы соскочила с него, и он почувствовал себя по-прежнему бодрым, здоровым, сильным.

Облюбовав для своего гнезда уютное местечко в застрехе, Золотой Петушок с радостной песней полетел за строительным материалом, то есть за различными прутиками, соломинками, перышками, пушинками, из которых воробьи любят сооружать свои гнезда. И сразу ему посчастливилось. Где-то среди двора он подхватил большой комок мягкой, пушистой, белой, как весеннее облачко, ваты и, взвившись кверху, потащил ее к своему гнезду. Однако коварный весенний ветер выхватил вату прямо из его клюва. Не успел Золотой Петушок сообразить, что, собственно говоря, произошло, как из-под карниза дома выпорхнул другой воробей, подхватил на лету комок ваты и улетел с ним.

Золотой Петушок был так расстроен своей неудачей, что не полетел за новым строительным материалом, а спрятался у себя в застрехе и от огорчения даже на белый свет не хотел смотреть. Досада душила его с такой страшной силой, что стало трудно дышать.

„Это что же творится такое? — думал Золотой Петушок. — Уже прямо изо рта строительный материал выхватывают! Где же справедливость на свете?“

В этот день он уже не вылезал из-под крыши, не ел ничего, не пил и почувствовал такую слабость, что глазки его сами собой закрывались, а головка свешивалась набок. Бедный воробей даже не подозревал, что уже давно тяжело болеет, и если бы не прослушал случайно в тот же вечер по радио лекцию одного ученого профессора, то так бы, наверно, и не выздоровел никогда.

Эта лекция, как ни странно на первый взгляд, была о значении гимнастики или простого физического труда для человеческого здоровья. Профессор рассказывал, какое огромное значение для нашего организма имеют нормальный сон, правильное питание и занятие физическим трудом или хотя бы гимнастикой. Мы часто не обращаем внимания, говорил профессор, на потерю аппетита, бессонницу, недомогание, скверное настроение, забывая, что все это — признаки заболевания нервной системы, которая управляет всем нашим телом и поэтому имеет огромное значение для здоровья каждого из нас. Для лечения нервной системы необходимо наладить нормальный сон, который дает отдых нервной системе, и восстановить аппетит, а для налаживания сна и аппетита лучшее средство — заниматься

гимнастикой, сказал профессор и объяснил, как нужно делать простейшие гимнастические упражнения.

Прослушав лекцию, Золотой Петушок понял, что его недомогание — не просто дурь или какая-нибудь блажь, а серьезное заболевание, с которым надо бороться.

В этот вечер Золотой Петушок заснул по привычке поздно, а на другой день его, как обычно, разбудили звуки радио. Прослушав последние известия и ничего не поняв, так как теперь уже ни о чем, кроме своей болезни, не мог и думать, Золотой Петушок вдруг услышал, как чей-то громкий голос сказал:

— А теперь начинаем урок гимнастики по радио. Приготовьтесь к ходьбе. Сделайте глубокий вдох. И... раз, два, три, четыре!..

Загремела музыка. И вот тут-то Золотому Петушку пришла в голову счастливая мысль.

— Э! — сказал он сам себе. — Да ведь это как раз то, что мне нужно! Займусь-ка и я гимнастикой.

Вспомнив, о чем говорил вчерашний профессор, Золотой Петушок принялся делать простейшие гимнастические упражнения, то есть сначала приподнимался на цыпочках и поднимал крылья кверху, одновременно делая глубокий вдох, после чего опускался на пятки, складывая крылышки на спине и делая выдох. Повторив это упражнение раз пять или шесть, он немножечко отдохнул и перешел к наклонам корпуса, то есть наклонял туловище вперед, опускал клюв к самому полу, расставляя при этом крылышки в стороны и делая выдох, после чего выпрямлялся в исходное положение и делал вдох. Это упражнение он тоже проделал раз пять-шесть и перешел к подскокам и приседаниям, а именно: сначала он приседал, опустив крылышки вниз, потом подскакивал на одной левой ноге, а правую выбрасывал вперед, после чего опять приседал и снова подскакивал, но уже на правой ноге, а левую выбрасывал вперед или в сторону, так что со стороны казалось, будто воробей пляшет вприсядку.

Потрепыхавшись таким образом минут десять или пятнадцать, Золотой Петушок почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось есть, и он тут же, позабыв о всяких болезнях, полетел разыскивать для себя корм. В этот день он был немного бодрей, голова у него соображала быстрее и он питался лучше обычного. Вечером он слушал радио не до самого конца, а только до десяти часов, после чего заткнул уши ватой и лег спать. Умный воробей рассчитал, что если его будят утром в шесть часов, то надо ложиться не в двенадцать, а в десять, чтоб на сон оставалось восемь часов, как полагается.

Ночь Золотой Петушок провел вполне хорошо, а на утро снова принялся за гимнастику. И так у него и пошло. Каждое утро он делал зарядку, освоил не только подскоки, наклоны и приседания, но и повороты туловища, упражнения для брюшного пресса, поднятие ног в сидячем положении, и наконец, ходьбу, хотя это было для него наиболее трудное упражнение. Всем известно, что воробьи от природы не умеют ходить, то есть передвигаться по земле, переставляя попеременно то правую, то левую ногу. Обычно воробьи скачут, отталкиваясь от земли сразу двумя ногами. Однако наш Золотой Петушок освоил все-таки этот метод и каждый раз заканчивал свои физкультурные упражнения ходьбой, то есть

маршировал под музыку по лежащей вдоль чердака деревянной балке.

Не прошло и двух недель, как у нашего воробья восстановились сон и аппетит, а вместе с ними здоровье. Золотой Петушок стал по-прежнему добродушный, жизнерадостный, общительный и веселый. Теперь он уже не мог даже без смеха вспомнить, как глупо вел себя раньше. В общем все у него вернулось в прежнюю колею, и Золотой Петушок, хотя и с некоторым опозданием, успел все же в это лето и гнездо построить, и птенцов вывести.

Этот случай как нельзя лучше доказывает, что из всякого положения можно отыскать выход.

А вот для Геннадия Варсонофьевича все кончилось не так чтоб уж очень блестяще. Сначала никто из соседей не хотел разговаривать с ним, и это очень огорчало его. Потом он почувствовал, что ни с того ни с сего начинает вдруг гложуть. Страшно перепугавшись, он побежал в лечебницу. Врач выслушал его, внимательно осмотрел его уши, как снаружи так и внутри, и сказал:

— Это у вас от излишнего шума, голубчик. У вас дома, должно быть, соседи скверные и много шумят. Вам обязательно надо переменить обстановку. Послушайте меня, дорогой, поезжайте куда-нибудь, где не так шумно. Если поживете полгодика в приличном месте, то есть в тишине, то слух ваш улучшится. Если же будете жить, как до сих пор жили, то оглохнете окончательно.

Бедный Геннадий Варсонофьевич постеснялся признаться врачу, что он попросту сам во всем виноват, но с тех пор стал вести совсем иной образ жизни. Громкоговоритель свой не включал, когда не было нужно, а если включал, то совсем потихонечку; когда кашлял или чихал, прикрывал рот платочком, чтоб не так громко было. Все жильцы очень скоро обратили внимание на перемену в его характере. Они снова стали разговаривать с ним и уже смотрели на него не сердито, а очень приветливо. А когда узнали, что шум для него вреден, то стали создавать вокруг него тишину: разговаривали между собой шепотом, ходили на цыпочках и забивали в стены гвозди только, когда его дома не было.

Словом, все так хорошо заботились о здоровье Геннадия Варсонофьевича, что слух у него начал улучшаться, и даже появилась надежда, что со временем восстановится совсем.

Впоследствии, когда было изобретено телевидение, Геннадий Варсонофьевич купил себе телевизор. Вернувшись домой с работы, он обычно включал телевизор так, чтобы звук был совсем потихоньку слышен, и, усевшись поближе к экрану, смотрел, пока шла передача. Все жильцы беспокоились, как бы он не испортил себе зрение, и нарочно заходили к нему поболтать о том о сем, чтоб хоть на некоторое время отвлечь его от телевизора.

Да, братцы, что ни говорите, а все-таки хорошие люди у нас живут!

А для Наденьки вся эта история тоже кончилась очень благополучно. Мама вскорости убедилась, что нет смысла заставлять девочку учиться музыке, раз у нее нет призвания к этому делу. На следующую осень она забрала Наденьку из музыкальной школы, и с тех пор Наденька училась в обыкновенной школе. Кроме того, мама разрешила ей записаться в кружок кройки и шитья при Доме пионеров.

Когда Наденька окончила семь классов, она пошла в ремесленное училище, а потом в техникум, а когда окончила техникум, поступила работать на одеждуную фабрику. И такая она хорошая оказалась мастерица, что слава о ней разнеслась по всему городу. Года через два или три ее даже пригласили на работу в драматический театр, чтобы шить там костюмы, в

которых актеры представляют на сцене. В театре ведь всегда требуются опытные портные, так как там приходится шить не только обычные костюмы, в которых люди ходят теперь, но и такие, которые носили в прошлые времена, а актеры, как известно, очень любят представлять пьесы из прошлых времен.

Наденька с большим удовольствием работала в драматическом театре, но ее все же почему-то тянуло туда, где куклы. В конце концов она бросила это занятие и пошла работать в кукольный театр, хотя ей платили там чуть ли не вдвое меньше, чем на прежнем месте. В кукольном театре она шила для кукол новые красивые платья, а потом и сама стала мастерить для спектаклей новые куклы. Увлечшись работой, она даже стала выступать со своими куклами на сцене. Каждый знает, что в кукольном театре куклы сами не могут ни двигаться, ни говорить. Их двигают и за них говорят люди, то есть актеры или актрисы.

Наденька так ловко управляла своими куклами и говорила за них с таким умением, что всем казалось, будто куклы сами собой двигаются и говорят. Даже больше того: куклы у нее не просто двигались и говорили, а переживали все чувства — и радовались от счастья, и страдали от горя, и волновались, и сердились, и смеялись, и плакали. И все это у них получалось так естественно, что зрители, глядя на них, тоже смеялись и плакали и приходили в восторг.

Все увидели, что Наденька замечательная актриса, и ей присвоили звание заслуженной артистки республики. Теперь ее все знают. Фамилия этой артистки... впрочем, фамилии я не скажу. Наденька согласилась, чтоб я рассказал о ней все, что знаю, но взяла с меня обещание не называть ее фамилию. Она считает, что зрителям кукольного театра не следует знать ни артиста, ни его фамилию. Зрители должны воображать, что куклы сами играют на сцене, будто живые. Если же зрители начнут думать, что за кукол играют люди, то всякое очарование пропадет и спектакль потеряет всю свою силу. Мне почему-то кажется, что это не совсем так, но поскольку я обещание дал, то должен исполнить.

Мне, конечно, очень приятно, что у меня есть знакомая заслуженная артистка. Я иногда захожу к ней в гости по старой памяти, она угощает меня чаем с печеньем, а иногда даже с пирожным и рассказывает разные интересные случаи из своей жизни.

— Скажите, — спросил я ее однажды, — вот вы не захотели учиться музыке в детстве и, конечно, ничего не потеряли, потому что стали знаменитой артисткой. Но если все дети по вашему примеру будут отказываться учиться играть на пианино, не переведутся ли музыканты на свете?

В ответ на это Наденька рассмеялась так громко, словно я сморозил какую-то чепуху.

— Думаю, что такая беда нам пока не грозит, — сказала она. — Ребенок, у которого есть способности к музыке, всегда будет учиться с охотой. Он сам будет стремиться стать музыкантом и его не остановят никакие препятствия. Но вы все-таки ошибаетесь, если на самом деле думаете, что я ничего не потеряла, отказавшись учиться музыке.

— Да, да, конечно, — поспешил согласиться я. — Теперь вы артистка, а артистке полезно уметь играть.

— Нет, вовсе не потому, — возразила Наденька. — Для моих кукол вовсе не нужно, чтоб я играла на пианино. Я хочу сказать, что музыка нужна каждому. Бывают минуты, когда человеку хочется петь, играть, танцевать, читать наизусть стихи, и он чувствует себя очень несчастным, если не может этого делать.

Вот какие разговоры были у нас с Наденькой. Всего, конечно, не перескажешь. Теперь надо рассказать про Наденькиных маму и папу. Наденькины мама и папа в конце концов успокоились и теперь вполне довольны своей судьбой. Теперь они стали совсем старенькими старичком и старушкой. Они часто ходят в кукольный театр, смотрят кукольные представления и очень гордятся своей дочкой.

— Что ж, — говорят они, — из нее не вышла знаменитая музыкантша, это верно, зато артистка получилась хорошая. В конце концов ведь не так важно, кем будешь: важно трудиться, приносить людям пользу, а не копить, как говорится, небо без толку.

И это, конечно, правда!